

О ПОНЯТИЯХ ДИСКУРСА И ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ² (Обзор)

Интенсивное исследование языка во второй половине XX в. выдвигание в лингвистике новых парадигм научного знания оказались естественно связанными с появлением целого ряда новых областей анализа и, соответственно, новых понятий и терминов. Одни из таких “новых реальностей языка” не получили широкого распространения, продолжая существовать в рамках какого-либо одного направления и школы, другие же, напротив, будучи первоначально предложены каким-то одним научным сообществом, быстро выходят за его пределы и становятся достоянием разных коллективов, не обнаруживающих черт близости. Именно в этом последнем случае выдвинутое новое понятие обретает постоянно какие-то дополнительные характеристики и, уточняясь, фактически меняет нередко свой первоначальный смысл. В конечном счете за ним закрепляются несколько различных интерпретаций, ибо в разных парадигмах знания его используют в разных значениях, а сам термин лишается определенности и становится многозначным. Все это характеризовало и историю распространения понятий “дискурс” и “дискурсивный анализ”, благодаря чему в их истолковании уже можно наметить несколько различных направлений. Посвятив определению понятий несколько специальных работ (см., например, 12), мы возвращаемся к этому вопросу еще раз, поскольку, с одной стороны, он продолжает обсуждаться и, таким образом, не может считаться решенным или же закрытым³ и поскольку, с другой стороны, исключительная важность вопроса о том, что такое дискурс, ложится в основание новой парадигмы лингвистического знания, именуемой нами когнитивно-дискурсивной (13, с. 6, 12-13 и др.; 11, с. 140 и сл.) и представляющей собой особую интеграцию двух ведущих парадигм современности – когнитивной и коммуника-тивной, их рациональный синтез.

Формирование названной парадигмы знания уже начато, и есть основания предполагать, что именно разностороннее освещение любых языковых явлений по выполняемым ими когнитивным и коммуникативным функциям принесет в будущем свои плодотворные результаты. Вместе с тем само развитие этой парадигмы знания зависит от того, какой смысл вкладывается разрабатывающими ее учеными в ключевые для нее понятия когниции и коммуникации, процессов познания и общения, понятия речемыслительной деятельности и, прежде всего, дискурса. Хочется, однако, с самого начала обсуждения этого вопроса подчеркнуть, что каких-либо единых установок в понимании дискурса еще не сложилось; точно так же не существует общепринятого определения термина “дискурс” или же термина “дискурсивный анализ”, и в этом смысле наш обзор **субъективен**: из огромного потока

² Как следует из заглавия обзора, в нем не рассматриваются история изучения термина “дискурс” за пределами лингвистики, а также его распространение в других науках – социологии, антропологии, психологии, при моделировании искусственного интеллекта и т.д. Хотя автор обзора отдает себе отчет в том, что и социальные науки испытывают на себе мощное влияние дискурсивного поворота в языкознании (см. об этом подробнее в 15, с. 9 и сл., с. 15 и сл.), целью обзора является освещение тех научных направлений в современной лингвистике, которые связаны с изучением разных аспектов дискурса и которые предлагают разные определения самого этого понятия. В задачи обзора входит, таким образом, известная систематизация опыта, накопленного в лингвистике за два-три последних десятилетия при исследовании дискурса, и – прежде всего – при попытках дать это понятию и термину надлежащее определение.

³ См., например, у О.Г.Ревзиной: “Назрела задача осуществить научную рефлексю над понятиями языка и дискурса с тем, чтобы определить, является ли дискурс – и какой именно дискурс – объектом лингвистического изучения” (17, с. 25-34).

существующей литературы мы рассматриваем в нем лишь то, что поможет выделить в имеющихся источниках несколько главных направлений в истолковании понятия, или то, что представляется нам наиболее рациональным и интересным в его рассмотрении.

Вместе с организаторами одной из первых научных конференций, посвященных проблемам дискурса (США, 1977 г.), и авторами сборника материалов этой конференции, опубликованного 20 лет тому назад (32), мы могли бы и сегодня повторить, что, несмотря на огромную работу, проделанную лингвистами в области дискурсивного анализа, мы по-прежнему очень далеки от создания единой и целостной теории дискурса. Более того: даже на современной ступени развития лингвистической мысли вряд ли можно говорить о существовании общепринятого определения дискурса и вряд ли можно рассматривать какое-либо из предлагаемых определений в качестве предпочитаемого. В условиях существования разных подходов к определению дискурса (о чем очень подробно см., например, в 15; ср. также 24) и выделения разных аспектов его исследования было бы нецелесообразно предпочитать априорно какой-то один из них. Как отмечает У.Чейф, “продолжает оставаться необходимость модели естественного дискурса, которая объединила бы разнообразные когнитивные и социальные факторы, ответственные за организацию языка. Дискурс многосторонен, и достаточно очевидна ограниченность любых попыток отразить его моделирование, сведя дискурс к одному или двум измерениям...” (20, с. 49). По этой причине мы и стремимся показать нашим обзором, с одной стороны, какие теоретические соображения способствовали выдвиганию самого понятия дискурса, а с другой какие направления сложились к настоящему времени в его исследовании. Быть может, только после такого анализа станет возможным выявить и те несколько **главных значений**, которые связаны с термином “дискурс” в лингвистике конца XX в.

* *
*

Самое простое и очевидное значение термина “дискурс” – разговорная практика, речь, а потому “использование языка”. На первых порах его употребления в англоязычной литературе он явно выступает в значении “речевая деятельность” или же – еще шире – “коммуникативная деятельность”. Особенно заметно такое употребление в противопоставлении изолированного предложения предложению внутри связного текста. Не вызывает поэтому сомнения тот факт, что введение понятия дискурса было реакцией на теорию автономного синтаксиса в генеративной грамматике, а потому было связано прежде всего с отказом изучать семантику синтаксиса на материале изолированных предложений. Если в работах более частного порядка это вело к рассмотрению роли факторов коммуникативного порядка в использовании конкретных синтаксических конструкций, то в теоретическом плане это означало пересмотр оснований грамматики естественного языка как системы, обеспечивающей не только обработку информации или же ее хранение, но и само осуществление коммуникации, т.е. “языка в действии”.

Первая и, возможно, **главная** особенность всего дискурсивного направления – убежденность в том, что ни синтаксис, ни грамматика языка не могут изучаться вне обращения к его **использованию**. “Структура языка не может быть успешно изучена, описана, понята или же объяснена без отсылки к его коммуникативной функции” (32; с. XV)⁴. Подобная убежденность складывалась по мере проведения самых различных исследований, и ее истоки могут быть обнаружены и в анализе прагматических факторов, действующих при выборе тех или иных синтаксических конструкций, и в работах по лингвистике текста, особенно при рассмотрении различных текстовых категорий, и в исследованиях по онтогенезу речи и овладению синтаксисом и т.п. Нельзя поэтому не отметить, что по мере проведения разнообразных конкретных работ в указанных областях принцип зависимости всей организации языка от его главной коммуникативной функции, а следовательно, от его употребления (performance) и осуществления особого вида деятельности – разговора, общения, дискурса, приобретал все большее количество сторонников и получал все большее количество доказательств и подтверждений.

Комментируя указанное допущение дискурсивного направления, можно указать, во-первых, на то, против чего оно было направлено и какая теоретическая позиция в понимании языка и лингвистики при этом отстаивалась. Но следует указать, во-вторых, и на то, какие

⁴ Нелишне отметить, что и 20 лет спустя этот тезис защищается и подтверждается практикой описания конкретного материала разных языков (см., например, 6, с. 528).

следствия вытекали из этой позиции и к чему указанная позиция приводила в исследовательской практике. Следует, наконец, в-третьих, разъяснить и то, как понималась сама формула изучения языка в действии. Рассмотрим все эти моменты по отдельности.

Дискурсивное направление исследований рождается в противопоставлении функционализма формализму, когда, по справедливому мнению М.Л.Макарова, сталкивается различие взглядов на природу самого языка и различие методологических принципов его исследования (15, с. 68), причем различие это настолько существенно, что соответствующие ему взгляды не только несовместимы друг с другом, но как бы образуют крайние точки на шкале различных интерпретаций языка. Но рождаясь в рамках этого противопоставления и оказываясь “ближе” к функциональным направлениям современной лингвистики, само дискурсивное направление оказывается в конечном счете известным разумным компромиссом между крайностями названных школ, ибо дискурсивный анализ должен, по идее, “интегрировать анализ формы и функций своего объекта” (15, с. 69). С этой точки зрения равно неприемлемы как чисто формальные определения дискурса, так и определения исключительно функциональные (как всякого употребления языка).

Поскольку о многих функциональных определениях мы будем говорить ниже, остановимся здесь только на формальном определении дискурса, когда дискурс определяется просто как “язык выше уровня предложения или словосочетания” (31) или же когда в фокусе внимания ученых оказываются исключительно типы формальных отношений и конфигураций языковых элементов, наблюдаемых в относительно развернутых фрагментах текста или же живой (разворачиваемой во времени и “на глазах” у наблюдателя) речи⁵. По всей видимости, формальные подходы к дискурсу выявляются и там, где исследователи предельно абстрагируются от социально-культурологических и контекстно-обусловленных особенностей использования той или иной синтаксической единицы.

Как справедливо указывают А.А.Кибрик и В.А.Плунгян, “дискурсивные явления... находятся за пределами интересов (а также возможностей) генеративной лингвистики”. Вместе с тем они отмечают, что попытки интегрировать отдельные дискурсивные понятия в модель грамматики все же существуют, несмотря на то, что “трудно представить, чтобы генеративная грамматика моделировала языковые единицы больше, чем предложение” (10, с. 307). В связи со сказанным можно было бы упомянуть о теории репрезентаций дискурса, где основное внимание уделяется семантике предложений (и, в частности, представленным в них неопределенным выражениям), анализируемой по отношению к структурам дискурса. Дискурсом здесь называется некая связная последовательность предложений, образующих текст (см. об этом подробнее в работе 7).

Большую роль в становлении понятия дискурса сыграло и критическое отношение к жесткому противопоставлению знания языка (competence) его использованию (performance) в трудах Н.Хомского и его последователей, и работы прагматического толка продемонстрировали условность границ между знанием и владением, между знаниями двух типов (ср. “знать что” и “знать как”) — декларативным и процедурным. Ведь в конечном счете для человека важнее всего competence to perform, т.е. знание языка в целях его адекватного использования.

Как отмечает Дебора Шиффрин, наряду с формальными и функциональными подходами к дискурсу возможен и третий подход, при котором изучается взаимодействие формы и функции, притом анализ отнесен к цепочке связанных между собой высказываний (28). Поскольку, однако, с помощью такой цепочки нередко определяют и текст, возникает вопрос о соотношении понятий дискурса с текстом, а также о тех предельных для выбранного уровня рассмотрения единицах, из которых “складывается” текст в отличие от дискурса, или же тех, на которые они, соответственно, разлагаются. Обычно считается, что текст складывается из последовательно расположенных предложений, тогда как дискурс членится скорее на высказывания. Но если исходные понятия предложения и высказывания не разведены, а в определения текста и дискурса не входят дифференцирующие их признаки, оба концепта используются нередко как тождественные, а их обозначения – как синонимы. Такое положение дел часто характеризовало работы, относящиеся к концу 70-х и 80-х годов, когда термины “лингвистика текста” и “дискурсивный анализ” выступали в значительной степени как взаимозаменяемые (см., например, 19). Подобную ситуацию нередко можно встретить и сегодня, особенно, когда определяются характеристики связной речи как таковой или же

⁵ Подробнее о противопоставлении функционализма формализму см., например, в работах 27, с. 293-300; 10, с. 276-339, с. 329 и сл.

участие различных языковых форм – единиц и категорий – в организации текста или дискурса как неких завершенных речевых произведений. В подавляющем большинстве современных публикаций, приходящихся на 90-е годы, проводятся, однако, идеи необходимости более строгой дифференциации рассматриваемых понятий, для чего, собственно, и прибегают к оппозициям процесса и его результата, динамики и статики и др.

Прежде чем рассмотреть подробнее эти оппозиции, отметим еще одно следствие постулата о том, что дискурс связан с использованием языка в процессе речевого (языкового) общения людей. На деле он приводит к зависимости определения дискурса и от того, с какой целью и в каком ракурсе рассматривалось само общение. В традиции изучения указанного явления можно выделить целый ряд известных школ – Бирмингескую школу, школы конверсационного анализа и речевых актов и т.п. (см. о них подробнее: 15, с. 76 и сл.; см. также 4, с. 113). В каждой из этих школ соотношение понятий общения (коммуникации) и дискурса уточняется, благодаря чему и представление об анализе дискурса претерпевает разные изменения. В качестве примера подобной “подгонки” двух рассматриваемых соотносительных понятий — коммуникации и дискурса – можно привести работы Т. ван Дейка и его соавторов, появление которых (по словам самого ван Дейка) знаменует конец “формалистического” подхода к пониманию дискурса и переход к **междисциплинарному** исследованию дискурса (8, с. 1).

Отражая веяние времени и богатство идей 80-х годов, выдвинутых в связи с рассмотрением закономерностей функционирования языка в обществе, концепция ван Дейка начинает строиться не только с учетом грамматики текста и прагматики дискурса, но и с более полным вовлечением в анализ таких социальных факторов, как мнения и установки говорящих, их этнический статус и т.п. Центр тяжести анализа переносится на сами эти личностные характеристики носителей языка – их намерения, чувства, эмоции и т.д. Дискурс начинает пониматься как сложное коммуникативное явление, не только включающее акт создания определенного текста, но и отражающее зависимость создаваемого речевого произведения от значительного количества экстра-лингвистических обстоятельств – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей говорящего как создателя текста. Все эти обстоятельства всплывают и при восприятии дискурса, в связи с чем в модель понимания (или обработки) дискурса естественно вписывается модель его когнитивной обработки. В дискурсе отражается сложная иерархия различных знаний, необходимая как при его порождении, так и при его восприятии. И в тех, и в других процессах наблюдаются особые стратегии отбора наиболее значимой информации, значимой в данном контексте и для данных коммуникантов. Очень важно, что в работах ван Дейка выдвигается идея “прагматического понимания” дискурса, т.е. правильно утверждается, что мы сплошь и рядом не можем, ограничиваясь только пониманием общего смысла предложения или высказывания, определить его коммуникативную направленность. Высказывание типа “I’ll come tomorrow! Я приду завтра!” “вполне может оказаться и обещанием, и угрозой, и объявлением/утверждением” (4, с. 15).

Концепция ван Дейка исключительно важна именно потому, что в ней дается многоплановое и разностороннее определение дискурса как особого коммуникативного события, как “сложного единства языковой формы, знания и действия” (4, с. 121-122), как события **интеракционного** (между говорящим и слушающим) и – что очень существенно – события, интерпретация которого выходит далеко за рамки буквального понимания самого высказывания или их цепочки (текста). Будучи по форме **связной последовательностью** предложений, дискурс определяется здесь, однако, не только как нечто противопоставленное **изолированному** предложению, но и как своеобразное семантическое единство, проявляющее прежде всего семантическую связность (когезию), связность информационную. Для ее понимания (например, в повествовании, в разговоре, в беседе и т.д.) необходимы знания о мире, знания о ситуации, социальные знания и определенные культурологические и прочие типы знаний. Рассмотренная концепция оказала, несомненно, значительное влияние не только на появление новых когнитивных моделей обработки дискурса, но и на обогащение исходного понятия дискурса за счет включения в него широкой гаммы различных характеристик как формального, так и содержательного порядка. Можно сказать, что в учении ван Дейка о дискурсе и становлении дискурсивного анализа как нового междисциплинарного направления (см. особенно 4, с. 119 и сл.) содержались в более или менее развернутой форме зародыши всех тех разных направлений, которые характеризовали дальнейшее уточнение понятия или же включали его в категориальный аппарат разных лингвистических парадигм.

Так, дискурс явно включается в главные понятия **антропологической парадигмы**. Как указывают Р.Харре и Г.Жиллет, дискурсивные явления имеют место и время в особой среде, какой оказывается социально-психологическое, а не только физическое пространство – “пространство человека” (people-space, см. 25, с. 31). Поскольку человек играет в обществе себе подобных разные роли – социальные, культурные, профессиональные, межличностные и т.п. – наряду с коммуникативными, в дискурсивном анализе всегда отдается дань говорящей (языковой) личности, да и в исследование последней явно вовлекаются дискурс и дискурсивные (коммуникативные) особенности человека.

Нельзя не признать также, что обращение к говорящему человеку с его установками и намерениями сближает часть лингвистических работ, посвященных дискурсу, с работами в области теории речевых актов, где речь рассматривается как особый социальный поступок и особое специфическое действие. Другие параллели в этой же связи можно усмотреть в известной корреляции дискурсивного анализа и прагмалингвистики, в которой подобное освещение получили сами культурно-социологические факторы в коммуникации людей (ср. в этой связи также выделение такой специальной области, как прагматика общения, в развитии которой свой определяющий вклад внесли работы П.Грайса, С.Левинсона, Дж.Лича и др.).

Ясно также, что категории дискурса уделяется огромное внимание и в когнитивной, и в социальной психологии, благодаря чему она составляет неотъемлемую часть категориального аппарата этнометодологии, этнолингвистики или антропологии, социологии. М.Л.Макаров совершенно справедливо освещает в этой связи основания новой **дискурсивной психологии** (15, с. 51 и сл.) и указывает на значительную роль для ее становления таких ученых, как Л.С.Выготский. Он подчеркивает, что в пределах этой когнитивно ориентированной отрасли психологии дискурс понимается как социальная деятельность, происходящая с помощью или же посредством языка в условиях реального мира и реального взаимодействия людей. Важно, что осуществляемый в рамках этого направления когнитивно-социальной психологии анализ дискурса отличается по целому ряду признаков и от разговорного анализа, и от теории речевых актов, и – качественно – от лингвистики текста (15, с. 53-55). Так как в сфере этой дисциплины широкое хождение имеют понятия установки, памяти, восприятия, знания и мнения (т.е. когнитивные феномены внутреннего мира человека), понятие дискурса обогащается за счет рассмотрения его связей с каждым из перечисленных концептов или категорий.

“Дискурс, – пишет Ю.С.Степанов, – это новая черта в облике языка, каким он предстал перед нами к концу XX века” (18, с. 71). И, разъясняя смысл этой черты, тоже указывает на “особое использование языка”, но уже для выражения особой ментальности” и даже “особой идеологии” (18, с. 38). Именно это влечет за собой активизацию целого ряда специфических языковых форм как из области грамматики, так и из области лексики, создавая ярко маркированные этими формами тексты. Не случайно, что в таком употреблении термин “дискурс” оказывается близким тому, что в русской лингвистике соответствует термину “функциональный стиль” и что в трудах академика В.В.Винградова и Г.О.Винокура и обозначало не только особый тип текстов, но и соответствующую им систему лексических и грамматических средств (т.е., соответственно, указывало на выборочное использование части существующей языковой системы в определенных целях). И все же, как пишет Ю.С.Степанов, “дискурс не может быть сведен к стилю” (18, с. 41), хотя это действительно “язык в языке”, это одновременно и особая социальная данность.

Таким образом, глубокие мысли когнитологов о том, что язык позволяет доступ к работе нашего сознания и нашего интеллекта, своеобразно преломляются здесь, логически приводя к возможности увидеть за дискурсом (текстом, имеющим своего автора и создаваемым для выражения его позиции в определенных конкретных условиях его социального бытия) особый фрагмент **ментального мира и восстановить его специфические особенности**. Сигналами для подобного восстановления и служат определенные языковые формы или же, точнее, их система (ср., например, номинализации или же безличные формы высказываний и т.д.).

Говоря о дискурсе, мы, следовательно, имеем в виду некий фрагмент языка, появление которого связано с определенными логико-лингвистическими условиями и потому **ограничено** (18, с. 63); в этом своем качестве он и подлежит анализу. Понятно теперь, почему Н.Д.Арутюнова определяет дискурс как речь, погруженную в жизнь, используя, кстати говоря, развернутую дефиницию этого понятия и указывая, что дискурс – это “связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте, речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как

компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизма их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, погруженная в жизнь. Поэтому термин “дискурс”, в отличие от термина “текст”, не применяется к древним и другим текстам, связи которых с живой речью не восстанавливаются непосредственно” (2, с. 136-137).

В приведенной дефиниции дискурс определяется и через текст, и через речевую деятельность, взятых, естественно, как некие родовые понятия с определенными ограничениями. Чтобы прояснить суть этих ограничений, нам представляется необходимым остановиться более подробно на вопросах о том, как же соотносятся в современной лингвистике понятия дискурса и текста, дискурса и речевой деятельности (речи) и, наконец, как может пониматься положение о “погруженности” дискурса в человеческую, жизнь т.е. о его связи с жизнедеятельностью и социальной практикой человека.

Поскольку о последнем мы уже говорили в предыдущих частях нашего обзора, заметим здесь, продолжая развивать мысли Ю.С.Степанова и других ученых, занимавшихся дискурсом, что связь дискурса с реальным бытием человека может усматриваться в нескольких отношениях. Таких аспектов мы можем назвать, по крайней мере, три.

Первое отношение – это, конечно, связь дискурса с коммуникацией, с реальным речевым общением и интеракциональным характером последнего. Здесь особенно заметны области пересечения многочисленных разных направлений внутри коммуникативной (функциональной) парадигмы лингвистического знания с дискурсивным анализом. Важно, что сообщения о “действительности” порождаются в развертывающемся во времени свободном потоке непрекращающейся коммуникативной активности и что это сообщение приобретает смысл только как часть этого потока (30). Таковы, например, установки, отражаемые в программных тезисах так называемого социального конструкционализма, в содержание которого входит вопрос о его отношении к проблемам языка и речевой коммуникации. Сюда же могут быть отнесены и разные подходы к анализу естественно звучащей речи в различных социально-когнитивных контекстах (ср. 15, с. 75 и сл.) и т.п. В указанном нами отношении важно подчеркнуть, что в понятии дискурса отражаются не только его прямая связь с реальными речевыми потоками (см. также об этом ниже), но и их **стиль**, их предназначенность на решение определенных **социальных** проблем и их участие в социальной интеракции людей, откуда акцент на **интенциональность** самого речевого потока и его моделирование под прямым воздействием этого фактора.

Поскольку о концепте интенциональности написано немало специальных работ, освещение которых явно выходит за пределы настоящего обзора, отмечу лишь, что мне кажется совершенно правильным простое указание А.В.Бондарко на то, что “... имеется в виду связь языковых значений с намерениями говорящего, с коммуникативными целями речемыслительной деятельности, т.е. способность содержания, выражаемого данной языковой единицей, в частности, грамматической формой (во взаимодействии с её окружением, т.е. средой), быть одним из актуальных элементов речевого смысла” (3, с. 58). Как подчеркивает А.В.Бондарко, при таком понимании интенциональности с ее изучением сопряжены два следующих вопроса: связано ли анализируемое значение со смыслом говорящего (т.е. его собственным субъективным намерением и замыслом) и характеризуется ли оно как таковое смысловой информативностью и какой именно в системе языка (ср. там же, с.60).

В связи с рассмотрением понятия интенциональности дискурса необходимо учесть еще одну специфическую его сторону: нередко отмечают, что конкретный тип дискурса создает своего **идеального адресата** (в отличие от просто “воспринимающего” данный дискурс). Не менее важно, однако, что дискурс (как особый тип речевого потока) предполагает некоего идеального отправителя речевого произведения (в том смысле, что он ярко отражает социальный статус подобного говорящего и не столько его собственные субъективные намерения, сколько некие усредненные и как бы становящиеся “общепризнанными”, “своего” класса). Именно в этом смысле следует, по всей видимости, понимать замечания П.Серио в его замечательной книге о советском политическом дискурсе (29), касающиеся “исчезновения авторства” (наряду с “исчезновением ответственности” за произносимое) в этом типе дискурса. Отсюда еще один шаг – и “возникает тема **бессубъективного** дискурса” (17, с. 27). В то же время такая ситуация складывается, конечно, не при обычном речевом общении, а в определенных **типах дискурса**.

Второй аспект исследования дискурса, соответственно, сопряжен с классификацией **типов дискурса** и выделением этих отдельных типов, формулу “речь, погруженная в жизнь” прочитывают обычно как указывающую именно на связь разных типов дискурса с реально

протекающей деятельностью людей. Отсюда выделение в качестве особых типов дискурса репортажей и интервью, политического дискурса и т.д. Как указывает Т. ван Дейк, в лингвистике текста и контентанализе уже давно занимались описанием конкретных свойств текстов массовой информации “с основной целью – выявить особенности соответствующих контекстов”, для чего и предпринималась, прежде всего, статистическая обработка указанных текстов (4, с. 111). Весь корпус текстов массовой коммуникации следует анализировать, однако, помимо этого, как случай “особого типа языкового употребления и особого типа текстов, относящихся к специфической социокультурной деятельности”. Лишь такое исследование позволяет учесть и социальный контекст происходящего, и роли говорящих участников коммуникации, и специфику процессов производства и восприятия сообщения, притом, что главным здесь остается “расширенное понимание контекстуальной перспективы дискурса” (там же, с.112-113). По всей видимости, для каждого типа дискурса следует строить собственную его модель, и лишь при этом условии появляется возможность представить “язык в языке” как особую и лингвистическую, и социальную данность (ср. 18, с. 44), а главное – воссоздать ментальность “возможного мира”.

Изучая типы дискурса в указанном отношении, исследователи, конечно, изучают **тексты**, но сами тексты начинают трактоваться как источники сведений, выходящих за пределы собственно языкового их содержания, – источники данных об особых ментальных мирах. Для восприятия текстов нужно “погружение” в этот особый ментальный мир, для чего адресаты речи либо должны извлечь из своей памяти нечто об особенностях такого “возможного мира”, либо отчасти строить его по мере ознакомления с поступающим к нему речевым потоком.

Сказанное требует разъяснения и уточнения сразу в нескольких отношениях. Во-первых, дискурсивный анализ — это анализ **ТЕКСТОВ**, т.е. языкового употребления, но только текстов, взятых в особых качествах и свойствах. Дискурс анализируется прежде всего по мере своего поступления к адресату, т.е. **ON LINE**. Для его понимания используется не вся информация в голове человека, а скорее, по Дж.Динсмору, определенным образом уже расклассифицированная информация, *partitioned representation*, непосредственно относящаяся к определенной области знания, “частичная” (21). Во-вторых, для активизации этой области знания в голове человека в поступающем тексте / речевом произведении должны содержаться некие языковые **сигналы**, да и сам текст должен быть структурирован по особым правилам (напомним, что у разных типов дискурса выявляются “своя” лексика и “своя” грамматика). В-третьих, активизируемые знания многоплановы и гетерогенны, представляя собой и знания из сферы языка, и специальной (узкой) профессиональной области, и, наконец, социальной практики. Соответственно, обработка приходящей к человеку информации протекает по нескольким разным каналам. Пользуясь семиотической терминологией, можно было бы сказать, что **интерпретанты знака** выстраиваются в иерархически организованное сложное целое, включающее несколько облигаторных (обязательных) составляющих. В самом общем виде следовало бы констатировать, что в процессе создания дискурса особого типа (как и в процессе его восприятия) человек функционирует в одном из возможных миров и погружен в особый ментальный мир. И если правильно, что язык – это “дом духа”, то для правильного создания и понимания дискурса определенного типа надо “попасть” в особую “квартиру” этого дома, т.е. выбрать в “доме” надлежащее “место”.

Третьим аспектом в проведении дискурсивных исследований оказывается попытка описания отдельно взятых дискурсов — политического, публицистического, философского, научного и т.п. Здесь, в этом пункте, также смыкаются разные области лингвистики текста и анализа дискурса. Ср., например, нарратологию или разговорный анализ (как специальный анализ разговорного жанра, в том числе беседы и т.п.). Вопрос о размежевании лингвистики текста и дискурсивного анализа поэтому вновь и вновь поднимается на страницах специальной литературы, но, на наш взгляд, какого-либо жесткого решения он не требует. Связи между указанными сферами научных интересов в значительной мере условны и в конечном счете зависят от того, принимается ли конкретной школой или конкретным ученым узкое или же более широкое определение дискурса, а также от того, как трактуется само соотношение понятий текста и дискурса. Как и при описании языковой системы, здесь возможны две стратегии – идти в исследовании “сверху – вниз” или же “снизу – вверх”. С высоты “дискурсивного полета” (когда точкой отсчета оказывается сам дискурс) и взгляда на синтаксис “сверху” грамматика выступает как особое руководство по обработке текстов (см. 23, с. 81 114): Популярным для современного функционализма становится поэтому тезис о мотивации всей грамматики дискурсивным **употреблением**. “Только глядя на естественный дискурс, а точнее –

разговорный дискурс, мы можем выяснить дистрибутивные модели, непосредственно связанные с вопросом о том, как возникают интересующие нас грамматические модели” (33, с. 250; см. также 13, с. 280-281).

О соотношении понятий текста и дискурса мы уже писали (см. 1). Заметим, что эти понятия связаны скорее как взаимоисключающие. Не случайно при их исследовании равно изучаются и отдельные текстовые категории, прежде всего **связность**, или же распределение потока информации (в тексте и дискурсе). Литература по этим проблемам требовала бы специального освещения, и мы сошлемся поэтому лишь выборочно на имеющиеся работы (32, 14, 10). Напомним также, что еще совсем недавно само понятие дискурса определялось через представление о связанной цепочке предложений или высказываний или пропозиций (например, в работах 5, 16). Нельзя не сказать, наконец, и о том, что существует огромный массив специальной литературы, посвященной проблемам понимания текста в дискурсе, в которой подчеркивается роль создания ментальных моделей в процессе их восприятия (особенно подробное освещение такие ментальные модели получили в работах Ф.Джонсон-Лэрда, с одной стороны, в трудах Т. ван Дейка и В. Кинча – с другой, и, наконец, у Ж.Фоконье и его последователей). Общим для анализа и текста, и дискурса является очень важное для их понимания обращение к декодированию неочевидных смыслов в том и другом (см., например, литературу по информации или же герменевтике, в частности, 16, с. 39).

Приведенные разъяснения позволяют подойти к конституирующим дискурс главным его характеристикам. Дискурс, правильно указывают А.А.Кибрик и В.А.Плунгян, – это “функционирование языка в реальном времени” (10, с. 308). В этом определении реальное время следует, однако, понимать расширительно, т.е. так, как мы об этом писали выше, – как время (исторически определенное, конкретное), релевантное для имевшего место фрагмента речевой деятельности или же сформированного текста. И если в анализе дискурса справедливо подчеркивается факт его исследования on-line (9, с. 126-127), что объясняется далее через формулу “в интерактивном/диалоговом режиме”, то я бы отметила здесь скорее то, что рассмотрение on-line предполагает прежде всего рассмотрение речевого произведения или же текста по мере его поступления, по мере его понимания, а значит, в динамике. Думается, что, с одной стороны, это ведет к стремлению разграничить понятия текста и дискурса по линии статики-динамики, подчеркнуть в последнем понятии интеракциональный характер взаимодействия людей или же, наконец, дифференцировать “структурный текст – как продукт и функциональный дискурс – как процесс...” (15, с. 71). С другой стороны, это ведет к попыткам свести понятие дискурса к **устной**, реально произносимой речи и считать, что главной единицей структуры дискурса, его отдельным квантом, является единица **интонационная** (см. известные работы У.Чейфа и их освещение в работах 9, 10).

В принципе и в тех, и в других случаях понятие дискурса сужается и получает одностороннюю интерпретацию, что нам представляется нежелательным. Мы солидарны скорее с положениями о том, что “дискурс – более широкое понятие, чем текст. Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (=текст)” (см. 10, с.307).

Хотелось бы добавить к этому, однако, и то, что при дискурсивном анализе и процесс языковой (речевой) деятельности, и ее результат (=тексты) рассматриваются во вполне определенном ракурсе, с определенной точки зрения и, конечно, для решения особых задач. Всем этим ограничениям и был, собственно, посвящен настоящий обзор.

Отсылая читателя для знакомства с более подробными сведениями о дискурсе и дискурсивном анализе к другим обзорным публикациям (особенно 9, 10, 15), мы бы хотели вернуться еще раз к тому, с чего начинали наш обзор, – к указанию о том, что в настоящее время понятие дискурса входит в новую формирующуюся у нас на глазах парадигму лингвистического знания: когнитивно-дискурсивную. В силу собственных научных интересов мы бы могли, завершая обзор, отметить, насколько перспективными и интересными представляются нам исследования дискурса с когнитивной точки зрения. И все же дело не только в этом: по самой своей сути дискурс – явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода и, главное, с **созданием новых знаний**.

Но и уже созданное в дискурсивной практике людей продолжает жить далее своей жизнью, и снова может анализироваться как бы по мере его создания, и снова служить проникновению вглубь, за пределы чисто языковой данности, притом как в социальные установки и особенности разных слоев общества, так и в национально-специфические культурологические характеристики отдельных этапов в истории людей, и, наконец, наверно,

главное – в разные ментальные пространства людей, выступающих в разных ролях в осуществлении разных типов дискурсивной деятельности.

Список литературы

1. Александрова О.В., Кубрякова Е.С. Дискурс // Категоризация мира: время, пространство. – М., 1991. – С. 3-18.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистическая энциклопедия. – М., 1990. – С. 136-137.
3. Бондарко А.В. О стратификации семантики // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб., 1998. – С. 51-63.
4. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – 311 с.
5. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текстов. — М., 1982. – Вып.2.: Методы анализа текста.
6. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 1998. – 528 с.
7. Изворска Р. Формальная семантика // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М., 1997. – С. 207-230.
8. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989. – С. 5-11.
9. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопр. языкознания. – М., 1994. – № 5. – С. 126-139.
10. Кибрик А.А., Плунгян В.А. Функционализм и дискурсивно-ориентированные исследования // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. – М., 1997. – С. 307-323.
11. Клобуков Е.В. Части речи в аспекте когнитивной лингвистики // Вестн. Моск. гос. ун-та. – Серия 9. Филология. – М., 1999. – № 1. – С. 138-145.
12. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. О контурах новой парадигмы знания в лингвистике. – М., 1999 (в печ.).
13. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., 1997. – 331 с.
14. Лузина Л.Г. Распределение информации в тексте: когнитивный и прагматилистический аспекты. – М., 1994. – 175 с.
15. Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. – Тверь, 1998. – 200 с.
16. Николаева Т.М. Единицы языка и теория текста // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 27-52.
17. Ревзина О. Язык и дискурс // Вестн. Моск. гос. ун-та. – Серия 9. Филология. М., 1999. – № 1. – С. 25-33.
18. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принципы причинности // Язык и наука конца XX века. – М., 1995. – С. 35-73.
19. Brown G., Yule G. Discourse analysis. – Cambridge, 1983. – 296 p.
20. Chafe W. Beyond beads on string and branches in a tree // Conceptual structure, discourse and language. – Stanford, 1996. – P. 49-66.
21. Dinsmore J. Partitioned representations: A study in mental representation, language understanding and linguistic structure. – Dordrecht, 1991. – 331 p.
22. Focus and coherence in discourse processing/ Ed. by Rickheit G., Habel Ch. – Berlin; N.Y., 1995. – 300 p.
23. Givon T. From discourse to syntax: grammar as a processing strategy // Syntax and semantics. – N.Y., 1979. – 533 p.
24. Handbook of discourse analysis / Ed. by Dijk T.A. van. – L., 1985. – Vol.1: Disciplines of discourse.
- Vol.2: Dimensions of discourse.
- Vol.3: Discourse and dialogue.
- Vol.4: Discourse analyses in society.
25. Harre R., Gillett G. the discursive mind. – L., 1994. – 324 p.
26. Luchjenbroers J. Schematic representation of discourse structure // Conceptual structure, discourse and language / Ed. by Goldberg A.E. – Stanford, 1996. – P. 347-358.
27. Nuyts J. Functionalism vs. formalism// Handbook of pragmatics: Manual. – Amsterdam, 1995. – P. 293-300.
28. Schiffrin D. Approaches to discourse. – Oxford, 1994. – XI, 192 p.
29. Seriot P. Analyse du discours politique sovietique. – P., 1985. (Culteres et societies de l'Est. 2).- VIII, 386 p.
30. Shotter J., Gergen K.J. Social construction: knowledge, self, others, and continuing the conversation // Communication Yearbook. – L., 1994. – Vol.71. – P.3-33.
31. Stubbs M. Discourse analysis: The sociolinguistic analysis of natural language. – Oxford, 1983. – 316 p.
32. Syntax and semantics /Ed. by Givon T. – N.Y.; L., 1979. – Vol.12: Discourse and syntax. – 533 p.
33. Thompson S.A., Mulac A. The discourse conditions for the use of the complementizer that in conversational English // J. of pragmatics. – Amsterdam, 1991. – Vol.15. – P. 237-251.

Е.С.Кубрякова